

ТРАНСГРАНИЧНЫЕ СДЕЛКИ, ЗАКЛЮЧАЕМЫЕ С УЧАСТИЕМ ЭЛЕКТРОННЫХ АГЕНТОВ

CROSS-BORDER TRANSACTIONS INVOLVING ELECTRONIC AGENTS

A. Rodionov

Summary. Conclusion of cross-border transactions through electronic agents without human participation in this process gives rise to a wide range of issues requiring theoretical understanding. There is no unified approach to the concept and attributes of electronic agents in domestic and foreign doctrine. The author formulates the concept of an electronic agent, concludes that now their existence and functioning is impossible without human participation. The author argues against recognizing electronic agents as independent subjects of law, application of the traditional concept of agency legal relations, extrapolation of the construction of a legal entity to electronic agents. It is concluded that an electronic agent may be endowed only with certain properties of legal personality with the establishment of certain restrictive limits. The author proposes the use of the main and additional conflict of laws clauses to cross-border contracts concluded with the participation of an electronic agent.

Keywords: electronic agent, cross-border transaction, artificial intelligence, construction of legal entity, concept of agency legal relations, legal personality.

Родионов Артем Владимирович

Аспирант, Московский государственный
юридический университет
имени О. Е. Кутафина (МГЮА)
artemrodionov.work@mail.ru

Аннотация. Заключение трансграничных сделок с помощью электронных агентов без участия человека в данном процессе порождает широкий круг вопросов, требующих теоретического осмысления. Единый подход к понятию и признакам электронных агентов в отечественной и зарубежной доктрине отсутствует. Автор формулирует понятие электронного агента, делает вывод, что на данный момент их существование и функционирование невозможно без участия человека. Приводится аргументация недопустимости признания электронных агентов самостоятельными субъектами права, применения традиционной концепции агентских правоотношений, экстраполяции конструкции юридического лица на электронных агентов. Делается вывод о том, что электронный агент может быть наделен лишь некоторыми свойствами правосубъектности с установлением определенных ограничительных пределов. Автором предлагается использование основной и дополнительных коллизионной привязок к трансграничным договорам, заключаемым с участием электронного агента.

Ключевые слова: электронный агент, трансграничная сделка, искусственный интеллект, конструкция юридического лица, концепция агентских правоотношений, правосубъектность.

Участие так называемых «электронных агентов» в договорных правоотношениях является относительно новым явлением, возникшим в результате развития информационных технологий. Заключение трансграничных сделок с участием компьютерных программ и автоматизированных систем (роботов) без участия человека в данном процессе порождает широкий круг вопросов, требующих теоретического осмысления. В частности, это выявление признаков электронных агентов; особенности их правосубъектности и правовая природа; вопросы о применимом праве к трансграничным коммерческим сделкам, заключаемым с участием электронных агентов.

Единый подход к понятию и признакам электронных агентов в отечественной и зарубежной доктрине отсутствует. В законодательных актах лишь некоторых государств содержатся нормы, регулирующие осуществление сделок с участием электронных агентов (например, США, Канада, ОАЭ, ЮАР).

По мнению В.К. Шайдуллиной, ключевой признак электронного агента заключается в самостоятельности

в принятии решений, но такая самостоятельность ограничена информацией и данными, которые были запрограммированы владельцем электронного агента [6].

Ф.И. Шарков употребляет термин «технология интеллектуального агента», понимает под таковым программу-робота, ориентированную на сбор и обработку данных, проведение переговоров с другими идентичными программами-роботами [7]. В качестве признаков интеллектуального агента автор также выделяет эффект постоянного присутствия в сети Интернет.

Е.А. Березина использует понятие «программные агенты» и рассматривает их как разновидность одновременно цифровых и правовых технологий, поскольку использование программных агентов направлено на порождение юридических последствий [1]. Характерной чертой такого рода технологий является то, что они базируются на обращении к функции слабого искусственного интеллекта.

В зарубежной доктрине вопрос об использовании электронных агентов при заключении контрактов осмыслен обширнее.

В работе немецкого профессора К. Зорге электронный агент рассматривается как программный инструмент для создания соглашения о намерениях (*letter of intent*), не являющийся ни физическим, ни юридическим лицом [8]. Автор выявляет формирующуюся проблему правосубъектности электронных агентов ввиду их растущей автономности. Британский специалист И. Рахбари рассматривает электронных агентов как сложные компьютерные программы, позволяющие инициировать и осуществлять сделки без вмешательства человека [13]. Западный исследователь Ж.-Ф. Леруж выделяет такие черты электронного агента, как интеллектуальное программное обеспечение (*intelligent software*), персонализированность, непрерывное функционирование и полуавтономность [12].

Нормативно-правовые акты ряда государств содержат определения понятия «электронный агент», причем в ряде случаев идентичное.

Так, в §7006 раздела 15 главы 96 Кодекса США (U.S.C.) под электронным агентом понимается компьютерная программа или электронное и иное автоматизированное средство, используемое самостоятельно для инициирования действия или ответа, или принятия мер полностью или частично, без проверки или действия со стороны человека. Данное определение полностью воспроизводится в законодательстве ряда штатов США, в частности, Вирджинии, Юты, Небраски, Калифорнии и Пенсильвании.

Действующие Акт об электронной коммерции 2000 г. в Канаде, Закон об электронных коммуникациях и сделках 2002 г. в ЮАР, Федеральный закон об электронной торговле и сделках 2006 г. в ОАЭ содержат аналогичное Кодексу США понятие электронного агента.

Таким образом, электронные агенты могут именоваться по-разному: программный агент, программа-робот, интеллектуальный агент, мобильный агент. Электронный агент представляет собой автоматизированное автономное программное обеспечение, способное без участия человека осуществлять поиск информации, заключать сделки, производить платежи и (или) взаимодействовать с другими аналогичными программными обеспечениями на основе той информации и данных, которые были в него запрограммированы. К числу иных признаков электронного агента могут быть отнесены способность к обучению (интеллектуальный характер), персонализированность, непрерывное функционирование, проактивность.

Разрешение вопроса о применимом праве к трансграничным сделкам, заключаемых с участием электронного агента, зависит от определения правовой природы электронного агента, особенностей его правосубъектности.

В доктрине существуют концепции признания электронного с элементами искусственного интеллекта правосубъектным лицом. В таком случае авторы зачастую берут за основу именно механизм или юнит искусственного интеллекта и только в некоторых исследованиях конкретно электронных агентов.

Профессор Чикагского университета А.З. Хак в пользу признания правосубъектности искусственного интеллекта акцентирует внимание на таких его качествах как автономность, способность к воспроизводству когнитивных процессов и творческих функций [10]. «Машинное обучение» (*machine learning*), которое, по мнению автора, если говорить менее точно, также может обозначаться как «искусственный интеллект» (*artificial intelligence*) способно приобретать новые знания, принимать решения, порождать юридические факты: создавать авторские тексты, мелодии, произведения искусства.

Т. Малган допускает возможность имплементации концепции «крайнего инклюзивизма», допускающей наделение программы-робота полной самостоятельной правосубъектностью наравне с человеком, в будущем, однако в настоящее время говорить о признании электронных агентов в качестве самостоятельных субъектов права не приходится [11]. Такой позиции придерживаются и другие специалисты.

Несмотря на могущие быть присущими программам-роботам характеристики, на данный момент их существование и функционирование невозможно без участия человека. Именно человек создает и обучает электронного агента, программирует на совершение конкретных действий, определяет и корректирует порядок и формы взаимодействия с людьми и другими электронными агентами, фактически ограничивает самостоятельность электронного агента той информацией и данными, которые в него закладывает. За любым электронным агентом в каждом отдельном случае стоит человек как биологическое существо.

Подход с признанием искусственного интеллекта в целом и электронных агентов в частности встречает критику среди представителей российской правовой доктрины.

Так, Л.Ю. Василевская считает схоластическим утверждение о возможности правосубъектности искусственного интеллекта [2]. По мнению автора, искусственный интеллект не способен к имитации когнитивных функций как их осуществляет человек биологическими нейронными сетями; отождествление искусственного интеллекта с его материальным носителем приводит к смешению гражданско-правовых режимов вещей и объектов интеллектуальных прав; искусственный интеллект следует воспринимать как сложное программи-

рование, созданное человеком для решения конкретных поставленных задач [2].

В аналитическом докладе представителей кафедры информационного права МГЮА им. О.Е. Кутафина отмечается, что на сегодняшний день искусственный интеллект по смыслу гражданского законодательства выступает исключительно объектом гражданских правоотношений, хотя и специфичным. Авторами констатируется, что на текущий момент времени не существует полностью автономных программ-роботов, способных функционировать без участия человека [3].

В работах других авторов проблема правосубъектности автономных технических средств рассматривается через анализ возможных моделей взаимодействия человека с этими техническими средствами. При наделении технического средства (механизма) правосубъектностью наравне с человеком затрагивается глубинная естественно-правовая сущность прав человека.

Несостоятельными являются и доводы о возможности распространения традиционной концепции агентских правоотношений на отношения между владельцем электронного агента и самим электронным агентом, то есть компьютерной программой.

Американский правовед Дж.П. Фишер рассматривает в качестве допустимого способ по восполнению пробела в федеральном праве США о правовом статусе электронного агента посредством установления эквивалентности электронного агента человеку-агенту (human agent), применения общих принципов агентского права [9]. Автор аргументирует обоснованность такого подхода схожими по своей сути основаниями возникновения правоотношений и общими правовыми последствиями. Дж.П. Фишер отмечает, что если принципал использует компьютер так же, как и агента-человека, то закон должен относиться к компьютеру так же, как и к агенту-человеку [9].

Необоснованность подобных доводов подтверждается тем, что и принципал, и агент являются субъектами права, а содержание агентских правоотношений составляют установленные законом и договором субъективные права и обязанности сторон. Без признания правосубъектности электронного агента невозможно распространение общих принципов агентского права на отношения между владельцем электронного агента и электронным агентом.

Представители альтернативного подхода, заключающегося в экстраполяции конструкции юридического лица на электронных агентов, фактически смешивают категории субъекта и объекта права, что порождает правовую неопределенность.

Так, В.Б. Наумов и В.В. Архипов предлагают дополнить ГК РФ главой 5.1. «Роботы-агенты», определив, что «в пределах, установленных законом, робот-агент может иметь обособленное имущество и отвечать им по своим обязательствам, от своего имени приобретать и осуществлять гражданские права и нести гражданские обязанности, а также выступать в качестве участника гражданского процесса» [4, с. 221]. Авторами предлагается в качестве общего правила установить, что ответственность за действия робота-агента несут собственник и владелец робота-агента, но в пределах имущества, которое передано во владение и (или) пользование роботу-агенту. Однако если «ответственность робота-агента связана с его правовой природой как имущества» [4, с. 222], то ответственность несет владелец робота агента в соответствии с правилами ГК РФ об ответственности за вред, причиненный деятельностью, создающей повышенную опасность для окружающих. А в случае, если собственник и владелец докажут, что основания ответственности возникли по вине разработчика, они освобождаются от ответственности. Под владельцем робота-агента В.Б. Наумовым и В.В. Архиповым предлагается понимать физическое или юридическое лицо, или публично-правовое образование, которые «используют такого робота-агента на вещном праве или других законных основаниях» [4, с. 221–222].

В доктрине указанный альтернативный подход преимущественно встречает критику, хотя ряд авторов его необоснованно разделяют. Например, О.А. Серова отождествляет правовой статус программы-робота и юридического лица на том основании, что оба являются юридической фикцией с отсутствием реального содержания [5]. О возможности внедрения концепции «электронного лица» для программ-роботов по аналогии с конструкцией юридического лица, но с учетом специфики говорят и другие специалисты (в частности, Е.С. Михалева, Е.А. Шубина).

Очевидно, что одновременное установление вещных прав владельца в отношении робота-агента и присвоение роботу-агенту гражданской правоспособности, в том числе способности иметь имущество есть не что иное, как смешение объекта и субъекта права. В таком случае робот-агент выступает как вещь, но могущая быть участником гражданского оборота, что недопустимо.

Так, в настоящее время электронные агенты с элементами искусственного интеллекта не могут быть признаны в качестве самостоятельных субъектов права. Вопрос о способности искусственного интеллекта к имитации когнитивных функций человека является спорным и требует дальнейшей дискуссии. На сегодняшний день ни одна программа-робот не является полностью автономной, поскольку ее создание и функционирование обеспечивается человеком. Более того, именно владе-

лец электронного агента предопределяет информацию и данные, которыми оперирует электронный агент, устанавливает границы в коммуникации с людьми и другими электронными агентами, обеспечивает обучаемость программы-робота. Как следствие невозможности наделения электронного агента правосубъектностью наравне с человеком, недопустима экстраполяция общих принципов агентского права на отношения между владельцем электронного агента и электронным агентом.

Поскольку электронный агент не выступает самостоятельным субъектом права, а стороной сделки всегда является владелец электронного агента, в качестве основной коллизионной привязки к договорам, заключаемым с участием электронного агента, следует применять принцип *lex voluntatis* (принцип автономии воли сторон). При отсутствии выбора сторонами применимого права к договору следует применять право страны, с которой договор наиболее тесно связан (*Proper Law*), в случае если это договор купли-продажи — *lex venditoris* (закон страны продавца). Когда между сторонами был заключен смешанный или непоименованный договор допускается расщепление коллизионной привязки (*dérecage*). К договорной ответственности сторон сделки, совершенной с участием электронного агента, следует применять право, подлежащее применению к договору. В случае с внедоговорной ответственностью — привязки места

совершения деликта (*lex locus delicti*) и места неосновательного обогащения.

Электронного агента возможно рассматривать в качестве специальной конструкции, фикции, с наделением некоторыми свойствами правосубъектности (иными словами, в качестве квази-субъекта права), то есть признать концепции минимального или умеренного инклюзивизма. Однако необходимо отметить следующее. За юридическим лицом стоят его участники (в случае с корпоративным) и (или) коллектив работников, поэтому позволительно говорить о возможности реализации общей воли группы лиц. Электронный агент имеет владельца в лице физического или же юридического лица, а потому воля электронного агента отождествляется с волей его владельца. Юридическое лицо служит достижению определенных хозяйственных целей, решению социально-экономических задач общества и государства, сочетает интересы хозяйственные, коммерческие и государственные. Электронный же агент, участвующий в заключении сделок, всегда служит интересам конкретной организации (компании) и выполняет только функции коммерческого характера. В этой связи можно согласиться с допущением наделения электронного агента некоторыми свойствами правосубъектности лишь только с установлением определенных ограничительных пределов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Березина Е.А. Использование программных агентов в юридической практике // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18. № 7 (152). С. 71–85.
2. Василевская Л.Ю. Искусственный интеллект: проблемы гражданско-правовой квалификации // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 5. С. 32–40.
3. Минбалаев А.В., Добробаба М.Б., Ефремов А.А., Щитова А.А. Аналитический доклад «Правовые проблемы использования искусственного интеллекта» // URL: https://consortium.msai.ru/wp-content/uploads/2024/07/K_4-AD-_Pravovye-problemy-ispolzovaniya-iskusstvennogo-intellekta.pdf. (дата обращения 15.01.2025).
4. Наумов В.Б., Архипов В.В. Проект федерального закона «О внесении изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации в части совершенствования правового регулирования отношений в области робототехники» / Вып. 7: Право и информация: вопросы теории и практики: сб. матер. междунар. науч.-практ. конф. / науч. ред. Н.А. Шевелёва, д-р юрид. наук, проф. 2018. С. 220–226.
5. Серова О.А. Роботы как участники цифровой экономики: проблемы определения правовой природы // Гражданское право. 2018. № 3. С. 22–24.
6. Шайдуллина В.К. Использование роботов в электронной торговле при заключении договоров: проблемы правового регулирования // *Baltic Humanitarian Journal*. 2020. Т. 9. № 1 (30). С. 390–392.
7. Шарков Ф.И. Интерактивные электронные коммуникации (возникновение «Четвертой волны»): Учебное пособие. 3-е изд. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2017. 260 с.
8. Christoph Sorge (2005) Conclusion of contracts by electronic agents. In Proceedings of the 10th international conference on Artificial intelligence and law (ICAIL '05). Association for Computing Machinery, New York, NY, USA. Pp. 210–214.
9. Fischer J.P. Computers as Agents: A Proposed Approach to Revised U.C.C. Article 2. *Indiana Law Journal*. 1997. Vol. 72. Issue 2. Article 13. Pp. 545–570.
10. Huq A.Z. Artificial Intelligence and the Rule of Law // *Public Law and Legal Theory Working Paper Series*. 2021. №. 764. Pp. 14p.
11. Mulgan T. Corporate Agency and Possible Futures // *Journal of Business Ethics*. 2019. Volume 154. P. 901–916.
12. Lerouge J.-F. The use of electronic agents questioned under contractual law: suggested solutions on a European and American level. *Journal of Computer & Information Law*. 1999. Vol. 18. Issue 2. Pp. 403–433.
13. Rahbari, E., Rezaee, A. The role of electronic agents in concluding of contract. *Law Quarterly*, 2011. № 41(4). P. 159–178.